

identify forms of their interaction; the factors that determine the nature of relationship philosophy and fiction in different historical condition.

Key words: *artist, thinker, philosopher, Zenkovsky.*

УДК 1(091)

Окороков В. Б.

профессор кафедры философии
Днепропетровский национальный
университет имени Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина),
E-mail: visnukDNU@i.ua

**ЖИЗНЬ ЗНАКА И СМЫСЛОВЫЕ ПОТОКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
МИФИЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ (СИМВОЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГИИ
К. ЛЕВИ-СТРОСА)**

Аннотация. *Статья посвящена эволюции сознания знака – минимальной единицы смысла, которая, является наиболее характерной «единицей», позволяющей, с одной стороны, заглянуть в глубины древнего сознания, с другой – понять сущность современных форм мышления.*

Ключевые слова: *знак, миф, символ, мифология, антропология.*

О том, как можно соскользнуть по наклонным плоскостям исторического сознания к истокам зарождения сознания, культуры и общества, писало в неклассической философии достаточно много. Вероятно, в таком контексте уместно вспомнить о деструкции М. Хайдеггера, об археологии М. Фуко, о логике смысла Ж. Делеза, о традиционных формах культуры Р. Генона и др. Похожий сценарий можно проследить у мудрецов восточной культуры (в частности, у С. Радхакришнана, А. Гхоша и др.). Примечательным европейским мыслителем, который раскрыл нам сущность феноменологии духа, был Гегель, вслед за ним описал феноменологию сознания Гуссерль. Словом, неклассическая культура оказалась у той граничной черты, за которой начинаю проявляться предельные особенности эволюции сознания.

В соответствии с нашим пониманием такой эволюции сознания одной из ключевых фигур погружения в мир греков и древних мудрецов является знак – минимальная единица смысла, которая, по этой причине, может наиболее точно отразить древнее искусство мышления. Знак является наиболее характерной «единицей», позволяющей, с одной стороны, заглянуть в глубины древнего сознания, с другой – понять сущность современных форм мышления. Попробуем проследить путь знака с целью продолжения нашего путешествия.

Мысль сама по себе всегда уверена, что она схватывает значение образа (то есть и образ, и значение); но образ (знак) – это явление настоящего (по Ж. Деррида, отсрочка, след) [Деррида, 2000], тогда как значение всегда элемент повторения (по Ж. Делезу), элемент прошлого. Таким образом, мысль обречена совмещать прошлое и настоящее, чтобы вообще она могла быть мыслью, оперировать знаками и значениями.

Очевидно, что значение и знак не сходятся во времени (как не сходятся прошлое и будущее с настоящим), – их невозможно объединить и совместить. Образ настоящего (как событие) и его значение – это разные сферы бытия мысли, а их объединение – это натяжка, парадокс, конфликт, связанные и с темпоральностью мысли, с ее коммуникацией (в этом месте М. Бахтин применяет очень правильный термин хронотоп). Нам кажется, что мы фиксируем значение, но образ (знак), который вы-

звал (произвел) это значение, уже ушел (сделал шаг). По Деррида, мы всегда живем в смысловом поле отсрочки от действительности. Нам кажется, что мы ее воспринимаем, но мы от нее отстранены и воспринимаем лишь ее смысловой след. Мысль всегда разорвана, – она длит то, чего уже нет, что уже прошло (точнее, мысль уходит вперед); мысль это событие в виде следа, знака, символа, – то, что еще переживается. Буквально, по Лакану, мы мыслим там, где нас уже нет, и существуем там, где не мыслим.

Мысль одновременно держит образ (знак вещи) и длит его (приписывает ему значение). Главная иллюзия мышления, что мысль однозначна, самодостаточна и (по Гуссерлю) самоочевидна. Фактически, как следует из вышесказанного, она всегда как минимум двузначна (а лучше сказать, многозначна).

Это изначальное противоречие мысли, вследствие которого она вечно в движении, обречена на апории и антиномии. Для преодоления противоречивости мысли, а вместе с тем ее конфликта с разумом и чувствами, необходимо введение определенных операций. Да, и сама мысль есть собственно операция по объединению несоединимого – прошлого, настоящего и будущего, чувственности и разумности, вечности и становления и т. д.

То есть нужно было создать операцию совмещения знака и значения (и в то же время мысли и действительности), чтобы отвлечься от главного противоречия. И такая операциональная система была найдена греками. Первоначально новая дисциплинарная практика была названа логикой, а в дальнейшем – семантикой. Вера устраняет эти противоречия, но создает конфликт иного порядка, верить или понимать. Вера или разумность, опора на интуицию (мысли) иль строгость (мысли) – конфликт, которые черпает энергию в том же источнике противоречивости мысли.

Основное смысловое содержание символов и знаков состоит в том, что они, фактически, являются связующим звеном между различными комплементарными мирами (или, говоря языком математиков и естествоиспытателей, различными измерениями), количество которых в древности преимущественно сводилось к двум (в наиболее ярко выраженной рациональной греческой традиции это чувственный и сверхчувственный миры Платона). Однако реально таких взаимодополняющих, комплементарных и смежных миров может быть три, четыре и т. д. до бесконечности. Их количество ничем не ограничено. И при каждом таком переходе от одного мира к другому складывается своя знаковая система, то есть количество знаковых систем тоже может быть бесконечное множество.

Однако есть наиболее характерные особенности каждой знаковой системы, так как они представляют собой не просто отвлеченные (построенные только для удобства разума) моменты идеального мира, а скорее, наоборот, характерные особенности тех миров, которые они связывают. Призрак Леви-Строса сказал бы о том, что в каждом таком переходе должна складываться и своя мифологическая система. В частности, для Пифагора такой мифологией (таким символом), соединяющей звенья разных миров, выступает число – сакральная священная единица преобразования форм, то есть абсолютное начало любого измерения. Для Сократа признаком перехода от мира идеального к миру разумному проявилось понятие (и вытекающая из этого перехода логика или, по Леви-Стросу, мифологика рассудка, которую в абсолютное измерение форм ввел Аристотель). Плотин (и христианская мифологика), задавая переход между божественным (творящим) началом и сотворенным мирами, вывел формулу эманаций, оформление которых, безусловно, связано с формированием языка (или мифа), в частности, хотя Плотин говорил языком символов, инте-ресной здесь выступает символика Библии или Дионисия Ареопагита. На языке такой символики писали Блаженный Августин и Фома Аквинский. В целом для древних культур и мифологий знак выступал соединяющим звеном между различными реальностями-мирами (различными измерениями). В месте (плоскости) перехода всегда оформлялся свой язык (язык мифа, который впоследствии мог приоб-

рести и статус естественного).

Итак, знак есть то, что проступает на плоскости (неважно на скальной, папирусной или бумажной) и несет в себе черты соединяемых начал (измерений), - плоскость, по которой бежит мысль и, сталкиваясь со знаками, расшифровывает смыслы (заложенный в основе миф). По сути, мы имеем дело с сакральным смыслом (мифологией) топологии, или возможностью трансформировать знаки с одной плоскости на другую с сохранением логики смыслов.

На мифологику можно посмотреть и в ином смысле. Знаковая форма выражения действительности проявляется еще и потому, что все, происходящее на Земле (или в Космосе) в момент «перводействия» (образования или творения), лишь повторяет суть (структуру) самого творящего начала, т. е. обладает способностью раскрыться как нечто, точнее, знак, – что передает (через незримую поверхность знака) сущность первичной структуры. Это и есть основная формула структурализма, построенная на расшифровке (мифологике) мифов.

Знак, соединяя творящее и сотворенное, фактически, является условием соединения разных миров, разных способов становления, происхождения и чувствования действительности (по типу ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари). Наверное, поэтому именно знаки и символы явились условием объединения (в единую систему возможности познания) несоединяемых противоположностей – единого и многого, непрерывного и дискретного, разума (логоса) и чувственности (соединяющей слова и вещи).

В частности, в антропологическом измерении знак появляется там, где есть форма появления связности между различными уровнями восприятия однотипных процессов – чувственных (например, созерцание), рассудочных, прежде всего, мыслительных, разумных (идеальных, основанных на зрении умом, по Платону и Канту), духовных (по Плотину и Гегелю) и сверхчувственных (по Платону, М. Экхарту, Я. Беме и др.), - которые раскрываются как разные формы «восприятия» действительности.

Первые символы и знаки отражали двойственную природу первоначала, из которого возник мир и в котором мы живем. В частности, такими свойствами обладали те первоначала, которые Пифагор выразил понятием число, а Платон – понятием «хора», т. е. те формы, которые изначально имеют двойственную природу – объединяют по тем или иным признакам земное и божественное, мыслительное и физическое пространства. Таким же свойством объединения противоположностей обладает энтелехия Аристотеля, которая указывает на вечность форм, объединяющих начало и цель (конец) всех вещей, – что было в начале, к тому мы придем и в конце (пути). Аналогичными свойствами обладают смежные физико-математические, метафизико-физические или божественно-физические пространства.

Для этих целей в древности использовались такие понятия-символы, как Хаос, Бездна, Беспредельное, Первоначало, Пустота, Божественная природа, Самосущее, Топос, Истина (с одной стороны, здесь всегда присутствует творящее или то, благодаря чему осуществляется творение, – Бог, Слово, Логос, Иноебытие и т. п., с другой – сотворенное – природа, Земля, человек и т. п.). В силу своей переходной природы древние знаки и символы были связаны с процессами творения, процессами, соединяющими творящее и сотворенное (классификацию такого рода процессов можно найти у Скота Эриугены). Да, и знаки-смыслы здесь, скорее, раскрываются по их древности: те, что ближе к первоистокам, получили названия категории, те, что ближе к нашему восприятию – понятия.

Переходный процесс от творения к сотворенному осуществляется посредством программы (мифологии), заложенной в виде системы знаков-понятий, олицетворяющих проявление акта творения. Эти программы или сакральные формулы были выработаны в древневосточной и античной традициях и транспонированы в таких понятиях, как мысль, желание, воля (в мифологии Гермеса Трисмегиста) или сила,

енергия и эманации Бога, (в формуле Плотина). Такую систему (или программу), реализующую деятельность Творца-Демииурга, принято называть языком (фактически, основанном на той или иной мифологии).

Первичные знаки-символы (имена) проявляли в антропологическом измерении мифы как откровения (чаще всего в том процессе, который сейчас принято называть именованиём). Первые знаки выступали как формы, репрезентирующие единство мира, олицетворяющие его единство по происхождению, то есть указывающие на соединение в такой программе-языке творящего (демиурга) и сотворенное (изменчивый мир). Древние символы-знаки связывали конечные (земные) и бесконечные формы. В смысловом поле древнего мира знак и символ практически совпадают.

Главный сакральный смысл знака – описание перехода от невидимого к видимому, от непроявленного к проявленному, от неслышимого к слышимо-му, от небытия к бытию (буквально, по Гераклиту), т. е. описание движения (или эманации) – перехода от вечного к движущемуся (временному и историческому). Знак всегда связывает менее подвижное с более подвижным и тем самым выражает связь систем разной подвижности, или, согласно Аристотелю, разных времен. В индийской мифологии мир возник из первичного звука Аум. Умножение, по А. Ф. Лосеву, – это применение ума в практической плоскости, процесс трансформации мысли в видимом мире, или его оформление.

Буквально в этом контексте основная функция языка – порождать в сознании, объединяющем прошлое (ранее сотворенное) с настоящим (действительным) и будущим (возможным), поток смыслов, адекватно презентующих по видимой части мира или бытия то, что невидимо (формула Сократа и Сковороды). Раскрывая сказанное в соответствии с формулой Э. Гуссерля, можно заключить, что сознание – это мыслительный поток, генерирующий время (ретенцию, теперь-точку и протенцию), воспроизводящий и удерживающий прошлые события и, в том числе и само время, которое уже состоялось; сознание, которое постоянно движется, по Аристотелю, и само генерирует время.

В таком темпоральном контексте проявляется и еще одна формула знака: он, выступая как форма презентации прошлого, в то же время указывает и на настоящее (и на будущее), то есть соединяет не только разные миры и формы, но и последовательность событий в некое единство. В таком понимании и сознание (мысль) лишь то, что трансформирует смыслы формы знака. Здесь истоки «Философии символических форм» Э. Кассирера.

Знак соединяет не только разные пространственные ряды, но и временные потоки в определенное единство. Существовать не значит находиться здесь в пространстве, но и находиться здесь в данный момент времени. Существование как некое единство есть то, что сохраняет единство в пространстве и времени.

Ведь и событие есть то, что сейчас есть, а через время – его уже нет, оно также является формой соединения разных миров (со-бытием). Где-то и как-то он появляется, но и исчезает.

Знак организует событие мысли и одновременно коммуникацию и пространства, и времени, а лучше сказать (в соответствии с метрикой Г. Минковского и А. Эйнштейна) пространства-времени, где время – лишь проявляется как четвертое измерение. И таких неизвестных измерений, проявляющихся в качестве времени, как «легкое (едва воспринимаемое) дуновение ветра», может быть бесконечное множество.

Следовательно, еще одним важным свойством знака является возможность коммуникации (или связности) как в пространстве, так и во времени. Знак важен только для тех, кто может мыслить (соединять и разворачивать события в пространственную и временную последовательности). Мыслить, значит разворачивать знаки (и смыслы). Приблизительно то же, что и со-бытийствовать (существовать) в соответствии с более древними формами существования первоначала (в своем измерении,

в его пространстве и времени). Существование так же, как способ разворачивания в пространстве и времени, эмануруется из иного более высокого начального способа существования (измерения), например, божеств или демиургов. Существование – лишь форма, восходящая к более древнему способу бытия. Существовать значит быть сопричастным к высшему (более высокому) способу бытия. На это указывает и формула Плотина, и формула Фомы Аквинского. Знак (язык) и способность к существованию со-измеримы, ибо имеют истоки в одной и той же формуле творения. На это указывает сакральная (магическая) формула Хайдеггера: язык есть дом бытия (точнее, со-бытия). Поэтому и знак (язык) всегда со-бытиен. В нем скрыта древняя формула существования, которая в таком смысле может раскрываться как магическая формула (иной более высокой, божественной для нас, культуры или способа существования). Мы начинаем понимать, что расшифровка древних знаков и формул ведет к пониманию нашего происхождения. Мы начинаем слышать сущность открытия Ф. де Соссюра: язык не только синхроничен, но и диахроничен, язык дышит древностью иного (более высокого) способа бытия (богов). И знак, стало быть, связан не со значением (по плоской формуле абсолютно застывшего мира), а с именованием (связью означающего и означаемого, того, кто когда-то означивал, с тем, кто сейчас слышит это означивание (означающее)). Любая коммуникация – это не синхрония, как ее воспринимало классическое мышление. Начальная формула К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса: коммуникация идеальна как и язык, фактически ошибочна. Эту мысль и сам Апель выразил в формуле: нам нужна идеальная коммуникация. Фактически же, Апель в таком открытии лишь расшифровывает древнюю формулу: коммуникация всегда диахронична, она пропитана временем. Кто это забывает, возвращается к европейской классической переинтерпретации греков: мир абсолютен как и мир идей и полон абсолютных значений. Знак в этом мире лишь олицетворяет значение и выступает как застывшая мумия, как гробница, наглухо закрытая для дыханий времени. Умо-зреть в таком мире как раз и означает – зреть умом, водить мысль по идеям (по вечным знакам и символам), приближаться к мудрости высших начал (богов). Существовать тоже означает – лишь приближаться к бытию древних богов. Время в такой формуле древних застыло в абсолютной форме вечности, а существуют лишь боги, которые со-измеримы с Хроносом, все остальные, в том числе и люди, лишь со-существуют и в своей изменчивости, повторяя вечную форму, гибнут в пучине времени, подвластны Хроносу.

Формула знака, как видим, сопричастна существованию. Знак раскрывает свою сущность в поле между сознанием и бытием. Он является тем, что опосредует (связывает их) поверхностным образом. Знак всегда поверхностен в том смысле, что связывает принципиально разные, порой несоизмеримые, области. В то же время формулу знака можно интерпретировать, – тогда возникает иллюзия сопричастности к вечности. Люди лишь интерпретируют и их мир иллюзорен; они всегда сопричастны, пока опираются на знаки. Есть ли в человеке то, что сопричастно к богам, например, душа, – это может открыться лишь при расшифровке самых древних знаков (языков). Исторические языки и дискурсы лишь несут на себе печать изменений и все более удаляют нас от божественных первоисточков. Ведь душа не шифруется в знаках, а расшифровать ее существование можно лишь в ином измерении, то есть совершив переход через язык (систему знаков). Сделать тот шаг, который на языке современной неклассической культуры, называется проникнуть в бессознательное, которое тоже, по Лакану, структурировано в соответствии с языком. Однако хотелось бы до-бавить, в соответствии с формулой К.-Г. Юнга и К. Леви-Строса, бессознательное структурировано не как современные языки, а как более древние (мифологические) языки, и потому нам не понятно, то есть дешифрируется нами с большим трудом. Условно формулу Лакана о бессознательном можно расшифровать так: человек живет всегда в двух измерениях – современном (о котором говорит современный язык) и древнем, давно забытом (о котором рассказывает язык древ-

ности). Эту формулу на своем абсолютном языке мира идей Платон назвал анамнесис (припоминание) – душа припоминает, что с ней было тогда, когда она жила в другом более древнем (на языке Платона идеальном) измерении, когда говорили на другом более древнем языке (на языке Платона, в мире идей). Идеи лишь отражают сакральный смысл более древних (и потому значительно шире развернутых во временном масштабе) существ. По Платону, это Демиург – тот, кто создал мир (в соответствии с идеями) и нас, когда души имели непосредственный контакт с идеями. Души жили в мире форм, как мы сейчас живем в мире вещей. А формула припоминания все равно работает по тому же принципу разворачивания знаков. И среди есть таки, которые мгновенно (то есть из другого более быстрого времени) схватывают знаки и обладают уникальной памятью, и наоборот, те, кто с трудом разворачивают знаки в нашем (медленном) времени.

Очевидно, что осмысливать содержание знака означает быть синхронным с тем измерением, которое он отражает, т. е. творящим началом. Знак (и язык) выражает (несет в себе) иницирующее бытие начало. Но здесь важен язык, который может иницировать потоки смыслов (мыслей) и который передает содержание действительности как можно более точно. В этом уже открывается другой важный аспект согласованности систем (прежде всего творящей и сотворенной), которую толкователи греков в соответствии с Платоном называли истиной. В таком классической трактовке истина означает согласованность разных измерений посредством знаков (языка), то есть интерпретацией поверхности разных измерений (например, разумной и чувственной, которые Платон назвал сверхчувственной и чувственной).

В идеальном случае, на который указывали Платон и Аристотель, поток смыслов должен адекватно воспроизводить происходящие в действительности изменения. В этом топосе интерпретации, естественно, появляется лишь один вопрос – в какой действительности? – Той, что мы видим сейчас, или в той, в которой был создан знак и язык. Понятие истины рассыпается, как только мы замечаем присутствие времени. Теперь в соответствии с новой формулой, которую (вслед за Ф. де Соссюром) условно можно назвать диахронно-синхронической, истина должна быть синхронизирована не только в пространстве действительности (настоящем), но и во времени (диахронической плоскости), то есть истина – то неустойчивое событие, где пытаются совпасть синхронической и диахроническое измерения языка и действительности. И полного совпадения, как мы видим тут быть не может. Человек существует в том месте, где пространственное и временное существование пытаются совпасть, но совпасть не могут. В этом истоки экзистенциальных воззрений на существование человека. Здесь истоки разрыва между сознательным и бессознательным, между разумным и экзистенциальным. Ведь только в мысли возможно совпадение этих столь разных (синхронического и диахронического) потоков смыслов.

В идеальном случае движение абсолюта-демиурга по творению иного (более низкого) мира и сформированные этим движением смыслы (на поверхности низкого мира) могут воспроизводиться в мысли воспроизводящего (в его акте сознания) посредством считывания знаков на поверхности. И все то, что может быть воспроизведено в сознании по поводу высшего мира (демиурга), называется истиной. Об адекватности воспроизведения можно судить по его истинности. Но сама истина при этом утаивается в высшем мире. Мы лишь можем быть ему сопричастны, хотя чувствуем себя, опираясь на разум, хозяевами бытия. А человек, как утверждает Хайдеггер, не хозяин бытия, а лишь его пастух. И сам разум здесь лишь низшая степень истины. Мы – хозяева в мире своего разума, но беспомощны в мире демиурга.

Тем не менее, речь идет о том, что мышление абсолюта по сотворению иного (нижнего) мира и мышление существа (например, человека), воспроизводящего сам процесс сотворения, могут быть адекватны (гомогенны, синхронистичны по аналогии). Причем образом гомогенности (перехода) выступает знак. Такая адекватность только, скорее, указывает на то, что человек (или жрец, или аватар, или пророк, или

прорицатель) способен в своем мышлении воспроизводить процессы, присущие Высшему Создателю (Творцу-Демииургу). Это, видимо, и есть основная мысль Гегеля, который в целом в своей диалектике пытался раскрыть процессы преломления миров (творения) миров посредством феноменологии духа.

Знак в синхронном пространстве (например, в одной стране на Земле) есть то, что возбуждает у большинства людей, говорящих на одном языке, одинаковый поток смыслов (одинаковые мысли и одинаковые образы), ведь мы помним, что это основное назначение знаков воспроизводит однотипные смыслы, синхронные с более древними смыслами (условно называемыми культурой).

Знак – это конвенционально излучающий мельчайшую единицу смысла источник (ориентированный вовне значения). Как мельчайший уровень смысла (грамма, по Деррида), знак есть граница между сознательным и бессознательным.

Очевидно, что знак один, сам по себе, без других знаков, как вещь в себе, является бессмысленным. Если в самом знаке не заложена формула его разворачивания, вектор движения (например, как в иероглифе), то смысл не рождается. Должна быть система движения по знакам, мифология или язык, без которой знак остается мертвым. Следовательно вместе с самими знаками должна существовать и формула их разворачивания в пространстве (европейская или арабская) и во времени (темп скольжения по поверхности, испещренной знаками, приблизительно так же, как музыкант считывает нотные знаки, когда неправильное промедление или ускорение обязательно ведет к нарушению смысла мелодии). Дешифровщик должен владеть спецификой диахронно-синхронического кода расположения знаков. Для расшифровки сущности одного знака нужна система знаков (язык). Знак не рождается в одиночку, как не рождается один смысл. Знак рождается в системе знаков (языке), он должен указывать на систему смыслов и быть элементом этой системы. Человек, или чтец культуры языков, таким образом, должен знать не только знаки, но и формулы их расслоения (расположения) на плоскости. Читающий должен чувствовать и пространство, и время бытия знака, иначе, смысл как на пластинке, которую проигрывают на неприродной для нее системе оборотов, начинает уходить, исчезать за горизонтом нашей психики.

Понятно и выражение теософов, что мысль привязана к мысле-форме, так как мы стремимся выискивать в бесконечной системе смыслов островки смыслов-значений, лежащих на пересечении путей мысли. Опять-таки любая мысль одновременно сочетает в себе древнюю формулу знака и его разворачивания (в пространстве и времени) в языке и современное видение настоящего и трансцендирование в будущую мысль. Мысль, по Гуссерлю, удерживает в себе все времена. Она и во времени и способна сама генерировать (конституировать) свое время, иначе, музыка была бы невозможна. Хайдеггеровскому бытию и времени очень созвучна формула мысль и время (гуссерлевское сознание и время).

Мысль движется от одного значения к другому, коммутирует их таким сложным образом, что каждое значение видит (в большей или меньшей мере) в поле языка, как монада, все остальные значения (мир Лейбница).

Система знаков – форма дешифрации заданной (например, по определенному социальному или национальному признаку) смысловой системы. Здесь важно понимать, что переход от одного значения к другому – не случайный, а подчиненный определенным дисциплинарным практикам, т. е. заранее заложенным в язык путям (движения мысли).

Знак как лик (или как символ) чистого ума в себе, когда переходит в состояние движения, оставляет плоскостной (разумный) след в оформляемом им мире-плоскости и инициирует свое дальнейшее смысловое прочтение. Тем самым в испещренном такими знаково-смысловыми узорами мире возможна его расшифровка на уровне любых мысленных (смыслопорождающих) потоков. Поэтому важнейшее свойство знака состоит в том, что при своем смещении (движении), он всегда остав-

ляет след, борозду, отпечаток на поверхности материального (низкого) мира. Знак создан для того, чтобы его расшифровали, или исчезает смысл его существования.

В то же время знак нуждается в поверхности сред, он отражает их преломление одной в другую (с ним происходит то же, что происходит с пучком света при переходе из одной (более плотной) среды в другую (менее плотную)). Он всегда отражает границу разделения несоединимого, в частности, материального и эйдосного (логосного или идеального). В этом смысле он представляет материальный предмет или вещь в мире мысли.

Любой знак есть мельчайшая чистая система объединения и различия смыслов, соединяющая означающее и означаемое, язык и речь, и в этом смысле универсальная форма коммуникации. Знак, с одной стороны, различает (дифференцирует как форма дифференциации), с другой – объединяет (как форма интеграции) смыслы. Он как бы одновременно представляет собой источник и конвергенции, и дивергенции смыслов, то есть является формообразующей границей, преломляющей смыслы.

И любой текст в таком случае есть последовательная система знаков, которая упорядочивает смыслы, разворачивает их во временной последовательности мысли и позволяет выстроить определенную смысловую последовательность как систему музыкальных нот. Музыкальные знаки раскрывают длящуюся последовательность звуков. Знаково-текстовый ряд выстраивает временную последовательность разворачивания мыслей (смыслов).

И поскольку знаки-буквы всегда выстраиваются на поверхности, они символизируют об относительности знаковых систем (относительно плоскости разворачивания) как основное свойство протекания смысла (именно по поверхности). Знаки расположены на поверхности как рисунки, и смыслы текут по поверхности как образы, соединяющие последовательность знаков на поверхности.

Это вообще основное свойство и знака, и мысли – быть поверхностными. Правда мысль может быть одновременно пересечением многих поверхностей, и в этом ее большое преимущество перед древними знаками и формулами языка. Мысль способна быть творческой и изменяющей смыслы и коды. Она всегда разворачивает определенную последовательность смыслов при пробегании по определенной поверхности. Мысль вне пространственно-временной плоскости своего выражения просто рассыпается. Поэтому мысль всегда поверхностна. Это ее основное свойство. Правда она может быть одновременно средоточием многих поверхностей и многих смыслов (эффект точки, которая одновременно может принадлежать всему Космосу в многообразии срезов и плоскостей).

Обратив на это внимание, К. Леви-Строс, изучая мифы, указывал на избыточность смыслопорождающих процессов, инициированных мифом [Леви-Строс, 1994, 1985, 2006; Энафф, 2010]. Из сказанного очевидно, что любой миф объединяет поверхностные и глубинные свойства становления Космоса. Миф указывает не на какие-то конкретные формы, а на сам процесс становления, разворачивания из глубины его формы смыслов (знаков и языка). Почти так же, как знак-символ объединяет глубинные и поверхностные свойства мироздания, он, по существу, объединяет разные миры. Вследствие своей избыточности миф может быть раскрыт в бесконечном множестве коннотаций, или иметь избыточное множество смыслопорождающих процессов, Наука лишь стремится (по рецепту Оккама) сократить избыточность до минимума.

Свойства знака могут быть идентичны свойствам мифа; по крайней мере, на бессознательном уровне и знак и миф ведут себя почти идентичным образом.

В таком контексте мы можем говорить еще об одном свойстве знака: он не только пролегал через поверхность разных миров, но и может проходить через разные смысловые последовательности бытия человека: знак связывает чистую (логикотеретическую) и практическую (волевою) формы бытия и проявления человека

(теорию-дисципліну і дисциплінарну практику).

Множественность миров, которые раскрывали разные уровни бытия, древний человек связывал посредством знаков. По мысли Л. Леви-Брюля, в таких связностях работает принцип партиципации, определяющий форму мышления древнего человека и соответственно характер формирования мифа древних людей [Леви-Брюль, 1994]. Первобытный миф не носил личностный характер, ведь человек еще не был мерой смыслов, как в царстве греков, поэтому первобытный наскальный знак-рисунок, скорее, нес в себе (основополагающие) черты внешнего мира. Имя Бога как знак в древних мифах всегда разворачивало древнюю сакральную формулу – инициировало смысловой цикл-обряд, определяющий определенную последовательность смыслов. Когда мы говорим, существование древнего человека, то это не означает, что за границей такого существования не могло быть других измерений. Скорее, наша формула знака подразумевает наличие таких измерений. Древний человек, как тот, кто имел мысль, лишь переводил на язык своих наскальных фигурок формулы мира и Космосы (в силу развития своей мысли).

Еще одно измерение знака состоит в том, что должна быть плоскость (пространственно-временная поверхность) несущая на себе все формы знаков. Поэтому знаки всегда связаны с механизмом трансформации мысли в коды и формулы на такой поверхности. Однако с учетом того, что смыслы, которые несет знак, трансцендентны самим процессам его прочтения, то можно говорить о том, что знак тео-или антропо-центричен (по признаку его творца), поэтому и связан с процессами именованія. Он одновременно и богоподобен, и мыслеподобен, и природоподобен (по свойствам, разделяемых сред), т. е. одновременно репрезентирует (проявляет) и свою мыслительную (разумную) и естественную (природно-пространственную) формы. Знак выражает формулу подобия мысли и природы, слова и вещи, смысла и значения, которые отражают разные формы (и формулы) одного и того же процесса рождения мира, вещей и существ на основе акта творения. В силу этого знак всегда несет в себе печать священности, тайны и мистико-религиозного содержания. Он складывался в период рождения мифов (для людей), когда мысль человека впервые соприкасалась с сотворенным миром.

Процесс происхождения знака полон тайны, т. к. знаки появляются в периоды бессознательного (мистико-религиозного или даже первобытного) формирования общества, человека. Дальнейшее развитие культуры и традиции лишь позволяет трансформировать смыслы, заложенные в первозданной системе знаков (в языке). Это и заставляет Ж. Деррида утверждать, что письмо было всегда, – та формула, которая к расцвету постмодерна, ищущего, вслед за структуралистами, не знаки и языки, а среды их существования.

Тем не менее, и знаки, и языки все же историчны, а значит, когда-то появились и когда-то и исчезнут, как это произошло с мертвыми языками и культурами, которые некогда существовали, но в настоящее время не могут быть расшифрованы, так как утрачен код и способ разворачивания их смыслов.

Знак историчен, так как он складывался в период, когда мысль только коснулась созданного (сотворенного) мира: в начале было слово (и это слово были знаки и символы). Знаки и символы могут быть центричными по способу их образования: теоцентричны (теогенезисные и библейские процессы, – в которых словом был Бог), антропоцентричны (когда слово было у жрецов). И в целом о знакоразворачивании можно говорить как о Тео-антропо-социо-знако-генезисе, хотя это уже указывает на метафизику. Но ведь в метафизике мета также указывает на то, что за пределами (в частности, физики). Метафорика (метафоричность), метаформика, метафизика – однотипные дисциплинарные практики (процессы), происходящие в мышлении.

Как уже выявлено, знак может разворачивать смыслы не только в пространственной плоскости, но и во временную последовательность. И наиболее яркой формой таких знаков являются руны, в которых смысл, заложенный в знак, на-

чинает генерировать (выстраивать время и историю) сразу после написания знака (или рисунка).

Вероятно, социо-антропологический процесс усложнения знаков можно отразить в следующей последовательности: изобразительные знаки (наскальная живопись), геометрические знаки, иероглифы, буквенно-звуковые ряды. Хотя в действительности в истории, скорее, чаще наблюдается их смешивание, что указывает на сложность и многообразие языков.

Знание – лишь упорядоченный и упакованный в знаки смысловой ряд, который максимально-возможным образом концентрирует и упаковывает в систему понятий дисциплинарные практики. Пока видимой вершиной такого сжатого во времени упорядочивания и упаковки являются компьютеры.

Знак генерирует тот устойчивый смысл, запускает ту последовательность смыслов, которая всеми одинаково воспринимается. Мысль воспринимающего как проигрывающее устройство адекватна заложенному в последовательность знаков смыслу. Отклонение от воспроизведения регламентируется как нарушение мысли и психики, – то, что Ж. Делез и Ф. Гваттари назвали испорченной машиной желаний [Делез, 2007]. Знак несет сакральную формулу (формулу закона для последующих поколений, чаще всего этическую). И те, кто этого не помнят, нарушают формулу (закон). Имя этому – шизофрения как отклонение от здоровой психики. Те, кто отклоняются, нарушают древние формулы, и могут как те, кто складывает новые формулы (новые дискурсы) либо дать путь к эволюции, либо сильно замедлить ее движение, а то и приостановить. А без формул бытия люди слепы, ибо не ведают, как проворачивать (или воспроизводить) правильно мысль. Это безумие убивает общество. Знаки всегда несут на себе печать древних (и демиургов). Аватары лишь воспроизводят (припоминают) древние формулы и позволяют массам людей вновь встать на путь истины (соответствия). Ошибки в истолковании знаков ведут к вырождению.

Правда, и материалисты, которые решительно настроены рассматривать развитие человека и человечества как эволюционный процесс, ведущий к постоянному торжеству науки, утверждают иначе, видимо, считая, что знаки появились сами исторически как следствие способности человека мыслить. Эволюция Дарвина, как показывает современный опыт, конечно же, имеет место, но как показывает тот же опыт он является лишь локальной. В материализме не учитывается поверхностно-диахроническая природа знака. Точность современного опыта не позволяет быть твердо уверенными ни в одной из рассмотренных выше формул. Однако есть надежда, что человеку удастся разорвать сакральные коды души, и это позволит подтвердить ту или иную из рассмотренных выше формул. Но независимо от формы эволюции пространственно-временная (или диахронно-синхроническая) природа знака, по-видимому, не может вызывать сомнений. А значит небольшой шагочек в понимании формулы существования человека сделан вперед. Можно эту идею выразить и так: там, где душа пытается реализовать (осмыслить) себя в пространственно-временной форме, привязать себя к определенному способу существования, там всюду возникает знак как способ опредмечивания, символизации того, что не может быть строго локализовано в пространственно-временной (материальной или телесной) форме. Знак символизирует переход от души (и мысли) к действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе / М. Бахтин // Собрание сочинений : в 6 т. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. – С. 340–511.
2. Бутилов Н. А. Леви-Строс – этнограф и философ / Н. А. Бутилов // Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 422 – 466.
3. Гуссерель Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерель // Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 192 с.

4. Делез Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари – Екатеринбург: У-фактория, 2007. – 672 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 608 с.
7. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс – М.: Главное изд-во восточной литературы, 1985. – 536 с.
8. Леви-Строс К. Неприрученная мысль / К. Леви-Строс // Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – С. 111–337.
9. Леви-Строс К. Мифологии: в 4 т. / К. Леви-Строс – М.: Флюид, 2006–2007.
10. Платон. Кратил / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. – М.: Мысль, 1996. – С. 613–682.
11. Ригведа. Мандалы: в 12 кн.– М.: Наука, 1995. – Кн. V–VIII.
12. Энафф М. Клод Леви-Строс и структурная антропология / М. Энафф – СПб.: Гуманитарная академия, 2010. – 560 с.

REFERENCES:

1. Bakhtin M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of time and chronotope in the novel] // Sobranie sochineniy : v 6 t. – М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. – Т. 3. – С. 340–511.
2. Butilov N.A. Levi-Stros – etnograf i filosof [Levi-Strauss - ethnographer and philosopher] // Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. – М.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1985. – С. 422 – 466.
3. Gusserel' E. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni [The phenomenology of inner time consciousness] // Sobranie sochineniy. T. 1. – М.: Gnozis, 1994. – 192 s.
4. Delez Zh., Gvattari F. Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia] – Ekaterinburg: U-faktoriya, 2007. – 672 s.
5. Derrida Zh. O grammatologii [Grammatology] – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
6. Levi-Bryul' L. Sverkh»estvennoe v pervobytnom myshlenii [Supernatural in primitive thinking] – М.: Pedagogika-press, 1994. – 608 с.
7. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology] – М.: Glavnoe izd-vo vostochnoy literatury, 1985. – 536 с.
8. Levi-Stros K. Nepriuchennaya mysl' [Untamed thought] // Pervobytnoe myshlenie. – М.: Respublika, 1994. – С. 111–337.
9. Levi-Stros K. Mifologiki: v 4 t. [Mifologiki] – М.: Flyuid, 2006–2007.
10. Platon. Kratil [Cratylus] // Sobranie sochineniy : v 4 t. – М.: Mysl', 1996. – С. 613–682.
11. Rigveda. Mandalay: v 12 kn [RigVeda. Mandalas: 12 kn].– М.: Nauka, 1995. – Кн. V–VIII.
12. Enaff M. Klod Levi-Stros i strukturnaya antropologiya [Claude Levi-Strauss and structural anthropology] – SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2010. – 560 s.

Окороков В. Б., професор кафедри філософії Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Життя знака та сенсові потоки європейської свідомості в контексті міфологічних трансформацій сучасної культури (символізація міфології К. Леви-Строса)

Анотація. Стаття присвячена еволюції свідомості знака - мінімальної одиниці сенсу, яка є найбільш характерною «одиницею», що дозволяє, з одного боку, заглянути в глибини древньої свідомості, з іншого - зрозуміти сутність сучасних форм мислення.

Ключові слова: знак, міф, символ, Міфологіка. антропология.

Okorokov V. professor of the Department of philosophy Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

Life of the sign and semantic streams of the european consciousness in the context of mifological transformations of modern culture (simvolizathion of mythologies of C. Levi-Strauss)

Annotation. The article is devoted to the evolution of consciousness of the sign - a minimal unit of meaning, which is the most characteristic «identity», which allows, on the one hand, to look into the depths of the ancient consciousness, the other - to understand the essence of modern forms of thought.

Regardless of the form of evolution of the space-time (or diachronic-synchronic) the nature of the

sign appears, can not be in doubt. So small shazhochek in the understanding of human existence, the formula is made in advance. You can express this idea, and so that where the soul is trying to implement (to understand) himself in the space-time form, attach themselves to a particular mode of existence, there appears everywhere a sign as a way of objectifying, symbolizing the fact that can not be strictly localized in spatial temporary (material or physical) form. The sign symbolizes the transition from the heart (and mind) to reality.

Keywords: *sign, myth, symbol, mifologika. anthropology.*

УДК 165.43

Павленко И. В.

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Днепропетровский национальный
университет имени Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина),
E-mail: visnukDNU@i.ua

КОНТЕКСТЫ ИСТИНЫ

Аннотация. *Рассматривается понятие истины в качестве важнейшей подструктуры обыденного сознания. Наивные представления об истине сопоставляются с современными философскими концепциями истины.*

Ключевые слова: *истина, релятивизм, контекст, семантика, множественность.*

Целью настоящей статьи является представление особой версии релятивизма в отношении истины, основанной на понимании последней в качестве важнейшей семантической подструктуры обыденного сознания. Истина представляется не только и не столько в качестве эпистемологической процедуры, сколько в качестве семиотического объекта, обладающего собственными специфическими характеристиками.

Актуальность данного вопроса определяется тем, что истина – один из важнейших терминов философии, но также – одна из ключевых ее проблем. Можно говорить о проблеме истины в современной науке, философии и пр., однако сама по себе истина не является проблемой, да и у самой истины проблем не бывает. Скорее следует говорить о трудностях в связи с установлением истины в отношении той или иной реальности и тогда истина представляется как отношение, процесс или процедура. Иначе говоря, разговор об истине в любой ее трактовке приводит к появлению проблем.

«Vom W e s e n der Wahrheit ist die Rede» – «О сущности истины идет речь». Так начинается известная работа Хайдеггера об истине (1943) [5, с. 5] и так можно было бы начать большинство текстов, посвященных её рассмотрению. Известен и ответ Хайдеггера: «Сущность истины, понимаемая как правильность высказывания, есть свобода». [5, с. 14]. Или: «Сущность истины открывается как свобода. Это экзистентное, высвобождающее допущение бытия сущего» [5, с. 20]. Ответ, высказанный таким образом, заставляет нас прежде всего углубиться в существо самого вопроса.

Почти очевидно, что ответ на этот вопрос не может быть слишком простым и однозначным и не должен зависеть от чьего-либо частного решения. Все чувствуют здесь не только один из важнейших вопросов философии, но нечто далеко выходящее за рамки теоретической деятельности. Каким-то образом все мы лично заинтересованы в его разрешении.

Возможно, именно поэтому в любой концепции истины непременно находятся какие-либо изъяны. Так, темным пятном на нашем представлении об истине лежит